

гаемых в некоторых учебниках формализмов, пусть и успешных с точки зрения «чистой» логики, но не учитывающих реальных ограничений, налагаемых законодательством и юридической практикой. Для решения этой задачи нужна совместная работа опытных юристов и профессиональных логиков.

Другое дело, где взять на все это время и деньги, чтобы оплачивать труд не только логиков, но и весьма квалифицированных в своей области специалистов, без участия которых мы получим лишь очередную мистификацию или профанацию. Но эти проблемы, как только они переводятся в прагматически ясную плоскость, становятся разрешимыми при всей их организационно-финансовой трудности.

ЛОГИКА В РОССИИ ПОСЛЕДНЕГО СТОЛЕТИЯ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ИТОГИ

В.И. КОБЗАРЬ

Позади XX век. Полагаю, что среди молодых найдутся хорошие специалисты, которые обстоятельно подвергнут этот век анализу. Я же попытаюсь лишь установить периоды в развитии и даже просто существовании логики в России (СССР) в XX в. Это был век ее великих перемен и потрясений. Претерпевала в это столетие изменения и наука «Логика». И на ней — как учебной дисциплине, и как науке — век отразился всеми своими особенностями.

Начало века было благоприятным для логики, да и для философии тоже. Благоприятность эта была достигнута еще во второй половине предшествующего XIX в., когда после десятилетия искусственного изъятия философии из учебных университетских программ ее, наконец-то, в 1859 г. вернули. Это время было насыщено бурлением страстей и мнений. Широко развернувшаяся издательская деятельность пыталась насытить все возрастающее число интересующихся читателей философско-логической литературой. Стали оперативно переводиться и издаваться не только мировые классики логики и философии, но и новейшие труды по этим наукам, отражающие оригинальные западноевропейские идеи и концепции.

В этот период включились в общемировой процесс осмысления и разработки философско-логической проблематики и

российские мыслители, российские ученые. По мере осмысления проблемного поля этих наук и российские мыслители смогли внести свой оригинальный вклад в разрешение некоторых из этих проблем.

В логике такими мыслителями тогда стали М.И. Владиславлев, М.И. Каринский, Н.Я. Грот, Л.В. Рутковский, С.П. Порецкий и некоторые др. Ученики и последователи их как раз и составили основное творческое ядро, определившее своеобразие развития логики в России начала XX в. Это А.И. Введенский, Н.О. Лосский, И.И. Лапшин, С.И. Поварнин в Санкт-Петербургском университете; это М.М. Троицкий, Н.Я. Грот, И.И. Жегалкин, Г.И. Челпанов в Московском университете; Н.А. Васильев в Казанском университете и некоторые др. Правда, судьба не ко всем из них была благосклонна. Их разработки не проросли и не укоренились на российской почве, не распространились по миру, не принесли желанных плодов. Многие десятилетия прошли, прежде чем на эти работы обратили должное внимание. В частности, это касается, прежде всего, логики Н.А. Васильева и логики С.И. Поварнина. Логика С.И. Поварнина и до сей поры остается мало кому известной своим содержанием¹.

Начало XX в. в России, помимо активной издательской деятельности, характерно еще разработкой приемов и способов распространения, популяризации логики. Об этом свидетельствуют издававшиеся на конкурсной основе учебники и учебные пособия по логике для средних и высших учебных заведений. В этом процессе особенно показательно издание методических пособий, учебных программ и учебников для *самообразования*. Логика, тем самым, входила в сознание не только учащихся, но и широких масс интересующихся науками людей. Однако социальные потрясения начала XX в. надолго задержали ее дальнейшее содержательное поступательное разви-

---

¹ С.И. Поварнин рассматривал не отдельные вопросы или проблемы логики, а стремился обосновать правомерность новой логики, несиллогистической, «логики отношений», или «логики рядов отношений». Его две основные работы, посвященные этой логике, изданы еще до революции (см.: Логика. Часть 1. Общее учение о доказательстве» (СПб., 1915). В 1916 г. она переиздается как «Логика. Общее учение о доказательстве», т.е. без выражения «Часть 1», и «Логика отношений. Ее сущность и значение» (Пг., 1917). Эта логика достойна специального рассмотрения.

тие, и надолго приостановили распространение ее среди широких народных масс.

Охватывая весь XX в., несложно выделить в нем характерные по некоторым признакам периоды, или этапы, а также логические центры. В царской России логика сосредоточивалась и разрабатывалась, в основном, в Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Киеве, Одессе, ну еще и Варшаве, Львове.

Предоставить исторические данные, характеризующие развитие логики в этих центрах одному человеку не под силу, и следовало бы общими усилиями историков логики разных регионов построить общую картину состояния и развития логики в России, прежде всего, начала XX в. Но Россия XX в. в разные периоды была разной по территории. Одно дело — дореволюционная Россия, другое дело — послереволюционная. Одно дело Россия в составе СССР, другое — после распада Советского Союза. Сейчас можно лишь назвать некоторых представителей логики в основных этих центрах. В Москве таковыми являются В.Ф. Асмус, А.С. Ахманов, Е.К. Войшвилло, Д.П. Горский, В.И. Кириллов, Н.И. Кондаков, А.А. Марков, П.С. Новиков, П.С. Попов, А.А. Старченко, П.В. Таванец, С.А. Яновская и др. В Санкт-Петербурге — А.И. Введенский, М.И. Каринский, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, С.И. Поварнин, Л.В. Рутковский и некоторые др. В Казани — Н.А. Васильев, А.Д. Гуляев, М.Н. Ершов, В.Н. Ивановский, А.О. Маковельский, В.И. Несмелов, П.С. Порецкий, К.И. Сотонин, И.И. Ягодинский и др.

Советский период истории логики, особенно начиная с 60-х годов, существенно пополнил этот перечень имен, прежде всего для Москвы и Ленинграда, потому что в этих городах были открыты кафедры логики на философских факультетах, а в Москве к тому же появился еще и сектор логики Института философии АН СССР.

Что касается логики на философском факультете Санкт-Петербургского—Петроградского—Ленинградского и вновь Санкт-Петербургского университета, то здесь важно отметить одну особенность предыстории логики и философии, т.е. до XX в.

Философский факультет в университете Санкт-Петербурга фактически стал функционировать лишь в начале XIX в. в виде философско-юридического, а с 1835 по 1850 гг. и чисто философского факультета. Когда в 1850 г. философия в России как университетская учебная дисциплина была запрещена, и были упразднены философские факультеты (правда, почему-то толь-

ко в университетах православной ориентации) и, соответственно, кафедры философии, то логика, тем не менее, оставалась неотъемлемой частью университетского образования. Преподавать ее, правда, имели право лишь представители общеуниверситетской кафедры богословия, т. е. лица духовного звания.

В 1859 г. философия была восстановлена в качестве университетской учебной дисциплины, были возрождены кафедры философии (фактически же они заработали лишь с 1864 г., после принятия в 1863 г. нового Устава университетов), и возобновлено преподавание философии. Логику и философию было разрешено читать представителям светской науки.

С этого времени в России и наступает период наибольшего благоприятствования для логики и собственно начинается история российской логики, период ее творческого развития и разработки. Создаются популярные учебные пособия по логике, разрабатываются программы для самообразования, издается соответствующая литература.

Существенную роль в пропаганде логики в качестве общеобразовательной дисциплины в университете сыграл в это время Михаил Иванович Владиславлев (1840 — 1890). Его стараниями философия, история философии и логика стали преподаваться на первых двух курсах всех факультетов (до него, например, философия преподавалась лишь на историко-филологическом факультете и только на последнем курсе).

В 1872 г. выходит его знаменательная работа «Логика. Обзорение индуктивных и дедуктивных приемов мышления и исторические очерки: логики Аристотеля, схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной». Издание это было значимо тем, что впервые для российского читателя были совместно изложены и по возможности объединены логика Аристотеля и индуктивная логика Бэкона — Милля. Автор подчеркивал: неправильно рассматривать эти учения как две самостоятельные логики, это единая наука, нет индукции без дедукции и наоборот. Более того, это издание, знакомя читателя с историей логики, позволяло ему сформировать общее представление об исторической динамике ее предмета, вхождении в него новых проблем, новых задач, новых приемов мышления. Логика представлялась не как у Канта — за две тысячи лет, будто бы, не сделавшая и шага вперед, — а как динамичная, развивающаяся наука, имеющая собственные тенденции развития.

Этот толчок вызвал к жизни смелые и оригинальные разработки логической проблематики. Ярким новаторским духом отличалась работа по логике представителя Духовной академии, полного тезки и сверстника Владиславлева — М.И. Каринского (1840 — 1913) «Классификация выводов» (СПб., 1880). Подобную тему разрабатывал и ученик М. Владиславлева — Л.В. Рутковский в своей работе «Основные типы умозаключений» (СПб., 1888).

Новаторство присуще и многочисленным ученикам М.И. Владиславлева, существенный вклад которых в разработку логики, да и философии общепризнан. Это уже названные А.И. Введенский, Н.Я. Грот, Н.Н. Ланге, Э.Л. Радлов, Л.В. Рутковский и некоторые др. К этим новаторам можно отнести и учеников А.И. Введенского: Н.О. Лосского, И.И. Лапшина и С.И. Поварнина.

Периодизация истории логики, предлагаемая нами, более всего соответствует нашему региону, потому что даже начало преподавания логики в разных регионах — различно. С учетом сказанного, *первый период* — начало XX в. (1900 — 1924) — может быть назван «золотым», «серебряным», периодом «взлета». Он характерен такими работами, как «Учебник логики» А. Светилина (более 10 изданий до 1915 г.); Г.И. Челпанова (10 изданий до 1918 г.); А.И. Введенского «Логика в связи с критической теорией познания» (2 издания: 1904 и 1908 гг.); «Логика, как часть теории познания» (4 издания с 1909 по 1922 гг.); «Логика (для гимназий с дополнениями для самообразования)» (3 издания с 1910 по 1915 гг.); И.И. Лапшина «Законы мышления и формы познания» (1906); «Логика отношений и силлогизм» (1916); «Гносеологические исследования» (Вып. 1. 1917); Н.О. Лосского «Сборник элементарных упражнений по логике» (3 издания с 1907 по 1920 гг.) и «Логика», ч. 1 и 2 (1922); С.И. Поварнина «Об “интуитивизме” Н.О. Лосского» (1911), а также «Логика. Общее учение о доказательстве» и «Логический задачник» (1916), «Логика отношений. Ее сущность и значение» (1917), «Спор. О теории и практике спора» (1918), «Введение в логику» (1921), «Искусство спора» (1923); «Как читать книги для самообразования» (Л., 1924. 2-е изд. 1928); В.М. Каринского «Логика» (Лекции).

Этот период характерен и продолжающимся интенсивным изданием переводных авторов, в числе которых Т. Липпс, В. Минто, Т. Эльзенганс, Л. Лиар, Х. Зигварт, Э. Гуссерль,

В. Мюнц, П. Наторп, А. Риль, А. Гефлер, Б. Кроче, Л. Кютюра и др.

Второй период — 1924 — 1938 гг. — период гонения, упадка, даже уничтожения логики, прежде всего формальной, традиционной. Упрощенное понимание науки, политизация ее, привели, в конце концов, к вульгаризации научных взглядов. В это время получило широкое распространение мнение о том, что формальная логика оторвана от содержания, а потому и от жизни, что она формалистична, антидиалектична, а поскольку диалектика — алгебра революции, то формальная логика еще и антиреволюционна, она — основа метафизики, буржуазной идеологии и науки. Взамен усиленно насаждалась диалектическая логика. В этом не было бы ничего плохого, если бы ее апологеты и пропагандисты выработали однозначное понимание того, что же такое диалектическая логика, каков ее предмет. Но кроме известных цитат, прежде всего В. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса, и импровизаций на их тему, никаких более значимых аргументов на этот счет приведено не было. Цитирование приводило к тому, что даже несовпадающие позиции в этом вопросе одинаково находили (цитаты это позволяли) подтверждение у классиков марксизма-ленинизма. Сопоставление же появившихся в последующее время «диалектических логик» М.Н. Алексеева, И.Д. Андреева, А. Бынкова, В.Н. Демина, Э.В. Ильенкова, Ф. Кумпфа и З.М. Оруджева, М.М. Розенталя, Е.Ф. Солопова, С.Б. Церетели и др. убедительно говорит об их существенном несовпадении, т.е. о несовпадении и по предмету, и по своему содержанию. Таким образом, понимание диалектической логики было тогда скорее интуитивным, не устоявшимся. Диалектическая логика тогда находилась в процессе осмысления, а потому понималась по-разному.

Третий период — 1939 — 1946 гг. — период обоснования необходимости включения логики в образовательный процесс, восстановления ее как учебной дисциплины, а тем самым и как науки. Процесс этот частично подспудный (возможно даже и связанный с письмом С.И. Поварнина весной 1939 г. И.В. Сталину), все же явно был инициирован властью, и с лета 1939 г. в печати стали появляться статьи, обосновывающие полезность логики для средней школы.

В Ленинградском университете логика и история логики стали преподаваться на философском факультете при декане М.В. Серебрякове в сентябре 1943 г., когда университет еще был

в эвакуации в г. Саратове. Эти курсы читал тогда доцент В.Д. Резник (псевдоним В.Д. Днепров). Когда же университет вернулся в Ленинград, преподавать логику на философский факультет был приглашен С.И. Поварнин. Приглашен он был по инициативе того же декана М. Серебрякова и по приказу ректора — на должность профессора кафедры логики, хотя самой кафедры тогда еще и не было. С сентября 1944 г. С.И. Поварнин преподает логику на философском и юридическом факультетах.

Четвертый период — 1947—1960 гг. — период волевого включения логики в образовательный процесс средней и высшей школы. Начало ему было положено Постановлением ЦК ВКП(б) и Правительства СССР, опубликованным в начале декабря 1946 г. «О преподавании логики и психологии в средней школе». Логика и психология стали обязательными учебными дисциплинами в средней школе. Соответственно и высшая школа была ориентирована на подготовку учительских кадров для средней школы по логике и психологии, поэтому на всех философских и филологических факультетах университетов и на филологических факультетах педагогических институтов были открыты кафедры логики и специализации по логике. В Ленинградском университете кафедра логики в полном ее штатном составе была сформирована к концу августа 1947.

Период этот характерен неудачными попытками осмысления предмета формальной логики и ее современного варианта — символической (математической) логики. Показательно, что мало кто ясно понимал, чем же логика занимается, каков ее предмет и каковы ее задачи. Всем еще памятли были утверждения официальных учебников по философии, что формальная логика, запрещая противоречие в мыслях и акцентируясь на форме, тем самым упускает более важное — содержание, и поэтому является фундаментом метафизики, основой буржуазной науки; она противостоит диалектическому учению рабочего класса, она — антидиалектика.

Начало рассматриваемого периода отмечено резким официальным разбором годичного опыта преподавания логики университетскими кафедрами логики Москвы, Ленинграда и Киева. На Всесоюзном совещании по логике 21 — 26 июня 1948 г. в Москве с докладом на эту тему выступил начальник Отдела преподавания общественных наук Министерства высшего образования СССР доцент Н.С. Шевцов. Комиссии Министерства, проверив работу кафедр логики Московского, Ле-

нинградского и Киевского университетов, а также Киевского (им. М. Горького) и Ленинградского (им. А. Герцена) пединституты, в общем, пришли к одним и тем же выводам, которые и были озвучены в докладе. Выявлены следующие ошибки в преподавании логики: схоластика, оторванность от практики жизни и мышления советских людей; объективистский подход к преподаванию; безыдейность, беззубость, аполитичность, беспартийность, некритическое заимствование буржуазных теорий и пр., что в целом было названо «формалистическим направлением в логике», и признано «порочным и вредным».

На этом же совещании подвергся резкой критике за свою программу по курсу истории логики заведующий кафедрой логики МГУ профессор П.С. Попов, а также профессор этой же кафедры В.Ф. Асмус за свою книгу «Логика», изданную Институтом философии АН СССР (М., 1947). Профессора П.С. Попова упрекнули, что он «не делает вывода о том, что в нашей стране при социализме логика должна быть поставлена на службу советского народа и социалистической идеологии». Книгу же В.Ф. Асмуса признали «образцом формалистического учебника», примером «объективистского перенесения в советскую логику буржуазно-формалистического направления, отрывающего изучение логических законов от мышления современных людей». Было подчеркнуто, что «учебная книга по логике должна быть боевой, партийной, направленной против пережитков прошлого в сознании людей, против буржуазной идеологии; она должна быть книгой, распространяющей и укрепляющей социалистическую идеологию».

Выступившие на совещании профессора П.С. Попов и В.Ф. Асмус попытались отстоять свои позиции, но большинство делегатов и руководство Министерства было настроено против них, поэтому их выступления скорее даже навредили им, чем раскрыли глаза другим. В.Ф. Асмуса обвинили в том, что он в своем выступлении на совещании «попытался проташить в советскую науку логику англо-американскую логику отношений», что он «открыто уклонялся от решения вопроса о соотношении логики и диалектики». Досталось и «буржуазной символической логике», которую пытался защитить в своем докладе на совещании профессор П.С. Попов, утверждая, что в ней можно позаимствовать кое-что ценное. Совещание прошло, как отмечалось в печати, под «знаком борьбы против формалистического направления в логике».

Однако, невзирая на все это, может быть, медленнее, чем того хотелось бы, но осознание специфики предмета логики и ее проблематики укоренялось, распространялось. Математическая логика, правда, долгие годы еще не могла войти в учебные программы университетов, и только в среде математиков она чувствовала себя куда комфортнее. Об этом достаточно прозрачно высказалась С. Яновская в своем «Предисловии к русскому переводу» изданной в Москве книги Д. Гильберта и В. Аккермана «Основы теоретической логики» (1947). В первых же строках предисловия она подчеркивала, что эта теоретическая, или математическая, логика в XX в., «по существу, стала частью математики» (С. 5). Это верно и сейчас. Понятно, что после осуждения формалистического направления в логике и объявления борьбы с буржуазной символической логикой, для математической логики в стране особой перспективы не было.

Только после смерти Сталина идеи математической логики, ее принципы и методы при сохранении и преобладании (пусть даже чисто внешнем и вербальном) диалектической логики, стали получать распространение и входить даже в учебные программы университетов.

В частности, в ЛГУ в 1953/54 учебном году на философском факультете начинал читать курс математики с элементами математической логики будущий советский академик А.А. Марков. Студенческая аудитория, состоявшая в основном из бывших фронтовиков, членов партии, мягко говоря, недоброжелательно встретила этот курс, что и понятно, она воспринимала идеи математической логики скорее как проявление, осужденного партией, буржуазно-формалистического направления в науке. Для преодоления этого сопротивления нужна была просветительская настойчивость, терпение, но А. Марков отошел от курса, а вскоре переехал в Москву. Завершал же курс стойкий, говоря сегодняшним студенческим языком, «упертый» молодой тогда доктор физико-математических наук Н.А. Шанин. И именно среди его слушателей нашлись два благодарных ему ученика — И.Н. Бродский и О.Ф. Серебрянников, — которые и стали основными распространителями математической логики на философском факультете университета, да и в городе, и с именами которых связывается стабильное вхождение этой дисциплины в учебный план философского факультета. Хотя первая публикация по математической логике принадлежит не

им, в 1959 г. вышла монография профессора кафедры логики А.И. Попова «Введение в математическую логику», тем не менее им принадлежит основная заслуга в пропаганде и распространении идей этой логики. Втроем они обеспечивали программу курса символической (математической) логики для первокурсников философского факультета и для студентов, обучающихся по специальности «логика». А в Москве в этом же году был издан первый систематический курс основ этой науки — «Элементы математической логики» П.С. Новикова.

Пятый период — 1961 — 1989 гг. — сравнительно ровный. Представители двух ветвей формальной логики (традиционной и математической) спокойно работали над своими вопросами и проблемами, особо не ввязываясь в споры, хотя противоречия и неприязнь все-таки накапливались, приводя чаще всего лишь к устной полемике и не выплескиваясь на страницы периодической печати. Теоретические споры, возникавшие на философском факультете Ленинградского университета между представителями традиционной, математической и диалектической логики, никогда не приводили к расширению преподавания символической логики за счет традиционной, и наоборот. Соответственно идеологии и политике партии, диалектическая логика признавалась главной, «снимавшей» собой формальную, или включавшую ее в себя как свою элементарную часть (наподобие соотношения арифметики и высшей математики). Кафедра логики ЛГУ, например, тогда одинаково обеспечивала учебные курсы как традиционной, так и математической и диалектической логики.

Сопоставление кафедральной продукции того времени легко обнаруживает разную направленность интересов и проблем, решаемых кафедральными логиками. Однако проблематики традиционной формальной логики и логики символической спокойно уживались как в рамках кафедры логики философского факультета ЛГУ, так и на страницах ее печатной продукции. Издание авторским коллективом кафедры в 1977 г. учебника для философских факультетов университетов «Формальная логика», состоящего из двух частей «Общая логика» и «Символическая логика», свидетельствует и об осознании различия этих двух ветвей логического развития, и о связи их как исторической, так и учебной. Символическую логику на философском факультете ЛГУ всегда преподавали студентам после ознакомления их с традиционной, что и на сегодняшний

взгляд, является совершенно правильным. Значение для студентов этих логик различно. Для современного рядового гуманитария символическая логика при всем богатстве своих возможностей по строгости, однозначности выражения сложных мыслительных структур и их анализу, вряд ли будет иметь широкое практическое применение. Язык и символика математической логики имеет скорее техническую направленность (на искусственный интеллект), чем общегуманитарную. Отождествлять же современную формальную логику с компьютерной техникой неправомерно.

Шестой, заключительный период, — последнее десятилетие XX века, — это период окончательного «очищения», можно сказать кристаллизации, предмета формальной логики, четкого отделения ее от диалектической. Это и период размежевания традиционной формальной и современной (символической, математической) логик. Для кафедры логики философского факультета СПбГУ период этот интересен еще и тем, что все последнее десятилетие века на кафедре работал маститый ученый, пионер математико-логического движения в университете профессор Н.А. Шанин. Он читал спецкурсы по математической логике для студентов кафедральной специализации, и аудитория на этот раз была у него самая благодарная, и количество учеников его исчислялось теперь уже не единицами. Два ученика его из этого периода вышли на докторские диссертации по логике.

В это время получила четкое выражение претензия математической логики исключить традиционную формальную логику не только из научного, но и учебного обихода: «Традиционная логика (созданная еще древнегреческим мыслителем Аристотелем) оказалась мало пригодной для решения познавательных проблем и в настоящее время имеет только историческую ценность. Мы упоминаем здесь об этом потому, что по сей день не прекращаются попытки под видом науки логики преподавать традиционную (по сути, аристотелевскую и средневековую) логику, что равнозначно попытке преподавать алхимию под видом химии или астрологию в качестве астрономии»².

Эта позиция игнорирует то, что традиционная формальная логика, изучая основные мыслительные формы, носит об-

---

² Смирнов В.А., Анисимов А.М., Арутюнов Г.П. и др. Логика и клиническая диагностика. М., 1994. — С. 78.

щечеловеческий характер, опираясь на естественный язык, на котором говорит, рассуждает и будет это делать и впредь большая часть человечества, люди здравого смысла и обыденного опыта; она своей теорией культивирует общечеловеческую культуру интеллекта. Она исследует простые, общечеловеческого характера мыслительные формы и методы, которыми люди пользуются повседневно как в обыденной жизни, так и в научной. Такая логика необходима большинству людей, и знакомство их со свойствами и закономерностями основных мыслительных форм и методов, придаст их мышлению более регулярные, культурные формы. К тому же университетское образование направлено не только на подготовку узких специалистов в той или иной предметной деятельности или области науки, но и на воспитание широко эрудированных, культурных людей общества. Поэтому ее знание прежде всего и нужно начинающим осознавать специфику мысли, специфику мыслительных структур. Эти простейшие мыслительные формы логика и исследует такими же простыми общедоступными средствами.

Более сложные структуры требуют и более сложных, и более точных, строгих методов, которыми традиционная логика не обладает. Вот их исследование под силу современной формальной логике, которая, выступая основой языка современной интеллектуальной техники, и сама более широко пользуется ее возможностями, чем большинство людей в обыденной мыслительной практике. В этой области бесспорно важна широкая вооруженность символикой и математическими методами, помогающими достигать строгости и однозначности, так необходимыми в научных исследованиях и разработках. Так как эта логика сопряжена с достаточно новой и сложной символикой, простому студенту-гуманитарию не всегда понятной, приемлемой для него, а тем более используемой им, то ее и не следует столь усиленно навязывать широкой обучающейся аудитории. Оптимизация мыслительной деятельности людей связана не столько с ее символизацией или математизацией, сколько с осмысленным использованием научно обоснованных логических норм (правил, законов), с усвоением их, с умением ими пользоваться, с выработкой навыков правильного (по правилам) рассуждения.

Кроме того, хотя формы мысли и используются в процессе познания, сам процесс познания не предмет формальной

логики, ее предмет — формы мысли, их строение, свойства и отношения, законы связи мыслей между собой. Формы мысли логика исследует вне познавательного процесса, исследует их сами по себе, как таковые, со стороны как внутреннего строения (структуры), так и внешних связей.

Законы структуры это и законы связи элементов той или иной формы мысли внутри нее, но это и законы связи между мыслями при формировании из них более сложных мыслительных «конструкций». Упрекать логику в том, что она «мало пригодна для решения познавательных проблем» не корректно — это не ее предмет. Аналогично, и математика сама по себе не направлена на решение познавательных проблем, однако без знания математики не решается ни одна познавательная проблема. Так же и с логикой. Знание ее, свободное и осознанное владение ею, конечно же, способствует решению и познавательных проблем.

Особенности логических «школ» Москвы и Санкт-Петербурга, их проблематика, похоже, никого не привлекали. Нет исследований, сопоставляющих особенности и продукцию этих центров логического образования, хотя, ориентируясь лишь на публикации кафедр логики Санкт-Петербургского (Ленинградского) и Московского университетов, на их число и направленность, можно легко выделить отличительные черты данных «школ». Специалистами по логике из этих университетов были изданы не только учебники и учебные пособия по данной дисциплине, но и монографии по отдельным логическим вопросам, множество статей. Сопоставление их любопытно.

Со времен создания кафедры логики ЛГУ (точнее, со времени преподавания логики на философском факультете ЛГУ), ее сотрудники и аспиранты занимались в основном проблемами и вопросами традиционной формальной логики. Первой монографией кафедры была работа доцента Н.П. Попова «Определение понятий» (1954). Следующая крупная работа «Логические законы мышления» проф. А.В. Савинова вышла в 1958 г. Потом были «Вопросы теории понятия» И.Я. Чупахина (1961), «Генезис основных логических форм» А.М. Плотникова (1967), «Методологические вопросы формальной логики» В.С. Бачманова (1969).

Новая направленность логических исследований в Санкт-Петербурге (Ленинграде) связана, конечно же, только с кафедрой логики философского факультета ЛГУ, с именами А.И. По-

пова, И.Н. Бродского и О.Ф. Серебрянникова. Их публикации по математической логике хорошо известны. Это «Введение в математическую логику» А.И. Попова (1959), «Элементарное введение в символическую логику» И.Н. Бродского (1964), «Эвристические принципы и логические исчисления» О.Ф. Серебрянникова (1970) и некоторые др.

Москвичи, благодаря активной деятельности С.А. Яновской, как отмечает, в частности, Б.В. Бирюков в своей обстоятельной статье об этом периоде «Борьба вокруг логики в Московском государственном университете в первое послесталинское десятилетие (1954 — 1965)»³, осваивали новейшие разработки математической логики и продвинулись в этом направлении далеко вперед. В Москве сформировалась своя «школа» логики, в большей степени, чем в Ленинграде, ориентированная на символическую логику. Москвичи в кадровом отношении превосходили ленинградцев, но еще более превосходили количеством и качеством печатной продукции по логике, да и самые маститые специалисты по логике, начиная с 50-х годов, концентрировались в Москве. Большинство студентов ЛГУ, изучающих логику, вынуждены были пользоваться учебниками и учебными пособиями по логике только московских специалистов, потому что других не было. Таковыми были учебные пособия по логике В.Ф. Асмуса (М., 1947), Д.П. Горского (М., 1963), Н.И. Кондакова (М., 1954); работы П.С. Попова, М.Н. Алексеева, И.Д. Андреева, В.И. Кириллова, А.А. Старченко, Н.И. Стяжкина, В.А. Смирнова и многих др.

Значительно позже и ленинградская школа обзавелась собственными учебниками по логике. К их числу относится уже названный учебник для философских факультетов университетов «Формальная логика» (Л., 1977), и учебник «Основы логических знаний» (СПб., 1994). Этим кафедра логики Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета, можно сказать, наконец-то оформила свою «школу» преподавания логики в XX в. В 2008 г. в Санкт-Петербурге состоялась десятая, юбилейная конференция под ставшим теперь хорошо известным уже традиционным названием «Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке». На первой такой конференции, состоявшейся 18 лет назад, при ее откры-

³ См.: Логика и В.Е.К. / К 90-летию со дня рождения Войшвилло Евгения Казимировича. — М., 2003. — С. 39 — 101.

тии декан философского факультета, отмечая непростую ситуацию, сложившуюся в стране, подчеркивал, что логика с трудом удерживает свои позиции в университетской системе, что она почти отсутствует в структуре гуманитарной подготовки, что возрастает отношение к ней как к периферийной области философского знания. К тому же отсутствовали профессиональные встречи, и не было печатного органа по логике. Задуманная тогда конференция должна была способствовать развитию профессиональных связей, укреплению логического движения в стране, внести вклад в поддержку логики и логиков. Подведение определенных итогов, выявление на встречах перспективных направлений способствовали и повышению качества логических исследований, и укреплению логических связей. Тогда же было предложено регулярно (раз в 2 года) проводить такие встречи. Предложение было поддержано и, как видим, оно оправдало себя. Как достижение, как успех конференций следует отметить, что в них принимали участие такие известные специалисты по логике, как Д.П. Горский, Е.К. Войшвилло, Ю.А. Петров, А.Н. Шанин, В.И. Омелянчик, В.А. Смирнов, А.И. Уемов, И.Н. Бродский, О.Ф. Серебрянников, Е.А. Сидоренко. Что касается В.А. Бажанова, В.Ф. Беркова, А.С. Карпенко, Е.Д. Смирновой и Я.С. Яскевич, так они принимали участие во всех конференциях. Это ветераны логического движения. На некоторых конференциях были отдельные представители и более дальнего зарубежья, чем СНГ, были представители из Болгарии, Польши, Германии, ну а сейчас даже из Канады, Австрии, Швеции, Голландии, Финляндии.

Даже на примере этой традиционной конференции видна динамика развития логической культуры. За эти годы логика, прежде всего как учебная дисциплина, стала достаточно востребованной, а логическое сообщество, определенно, окрепло. И сейчас для любого беспристрастного наблюдателя даже чисто количественное сопоставление участников первой конференции и юбилейной, с учетом еще и географии ее представителей, делает ясным: логика и как наука, и как учебная дисциплина развивается, ее проблематика расширяется и обогащается, логика укрепляет свои позиции.

Из задач, поставленных на первой конференции, почти все решены, и почти все замыслы реализованы. Логическое сообщество налицо, связи между логиками стали регулярными. Сейчас помимо петербургской конференции проводятся кон-

ференции в Москве (Смирновские чтения), в Киеве, в Калининграде. Это отрадно. И хотя нет логического журнала, нет ассоциации логиков России или логиков СНГ, однако имеются регулярные серии изданий по логике, в Москве — «Логические исследования», у нас — «Логико-философских штудии», 4 выпуска которых уже опубликованы, 5-й — в печати, а 6-й готовится к изданию. Первые три конференции были проведены на средства, изысканные факультетом, за что следует выразить ему признательность, остальные — при финансовой поддержке РГНФ, а некоторые и РФФИ.

Все сказанное позволяет признать, что в нашей стране сложилась развитая логическая культура, закрепились позиции логической дисциплины в системе высшего образования, сформировались школы, воспроизводящие сообщество высоко квалифицированных, компетентных специалистов, все более интенсивным становятся контакты, включая международные. Все это позволяет с надеждой и уверенностью рассчитывать на перспективы развития отечественной логической культуры.

ЛОГИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО В РОССИИ И В СССР. ПРЕОДОЛЕНИЕ ЭФФЕКТА «КОЛЕИ»¹

В.А. БАЖАНОВ

Россия и СССР внесли заметный вклад в развитие мировой логической мысли. Однако история логики в России и СССР наложила глубокий отпечаток на особенности развития этой науки на 1/6 части суши и на особенности формирования отечественного логического сообщества, которые достаточно выражены и сегодня. Я предложил бы осмысливать эти особенности в терминах эффекта «колеи» (в английской терминологии *path dependence* — зависимость развития от предшествующего пути, если переводить дословно).

Что же здесь имеется в виду? Какие факторы способствовали тому, что логическое сообщество в России до сих пор следует давно и объективно установленным образцам? Как, на-

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Процедуры аргументации в отечественной логике и университетской философии», грант № 07-03-00054а.